

Анна Ковалева

**Две судьбы. Счастье
на осколках надежды**

УДК 82-3
ББК 84
К56

Ковалева А.

К56 Две судьбы. Счастье на осколках надежды / Анна Ковалева. – М.: Литнет, 2026. – 112 с.

ISBN 978-5-524-00037-8

– Мам, я вернулся!

Войдя в дом, я замер, натолкнувшись на взгляд синеглазой незнакомки. А она побледнела как полотно и начала жадно рассматривать мое лицо.

– Володя? – выдохнула пораженно, а потом сорвалась с места, обняла за шею и начала зацеловывать мои глаза, щеки, губы...

– Володенька, Вова, милый мой, родной... Господи, ты живой, живой...

Ошарашенный мозг завис, пытаясь понять, что происходит и почему меня целует незнакомая девушка.

Но выяснить я ничего не успел. Потому что она внезапно обмякла, потеряв сознание, и упала прямо мне в руки....

Два человека, два бойца, два имени. И одна ошибка, которая навсегда изменила людские судьбы

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00037-8

© Литнет, 2026

© Ковалева А., 2026

От автора

Дорогие мои, приглашаю вас в эмоционально непростую историю.

Этот сюжет родился не просто так, он основан на рассказах родных, потерявших своих близких в ходе вооруженных конфликтов.

Он вдохновлен прекрасными книгами Бориса Васильева и Уильяма Сарояна.

Но в целом это история выдуманная, созданная на вдохновении воображением автора.

Любые совпадения с реально жившими или живущими людьми и событиями случайны.

Автор не ставит целью обвинить кого-то в своей истории, война – это война, в ее ходе случается всякое.

И этот роман сам по себе не о войне. Он не привязан к конкретному вооружённому конфликту.

Этот роман ВНЕ ВРЕМЕНИ.

ОН о том, что остается вечным во все времена, будь то война 1812 года, русско-турецкие войны, ВОВ или Афган с Чечней: о неизбывном горе матерей и слезах жен.

О поломанных судьбах, и жизни, которая продолжается вопреки всему. О том, что остаются те, кто живет и хранит память о павших...

Глава 1

Анастасия Ларионцева. 31 год

Март. Санкт-Петербург

*Обещает быть весна долгой
Ждёт отборного зерна пашня
И живу я на земле доброй
За себя и за того парня*

*Я от тяжести такой горблюсь
Но иначе жить нельзя, если
Всё зовёт меня его голос
Всё звучит во мне его песня...*

*А степная трава пахнет горечью
Молодые ветра зелены
Просыпаемся мы, и грохочет над полночью
То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны
Роберт Рождественский*

– Вы это серьезно сейчас говорите, товарищ генерал? Просто так вышло? Случайная ошибка? – я стиснула челюсти так крепко, что услышала, как скрежещет эмаль от трения зубов друг о друга.

Но мне плевать было на состояние своих зубов.

Мне в данный момент плевать было на всё и всех, кроме мужа, которого я искала последние два с половиной года.

Надежду на встречу с Володиёв я не теряла до последнего.

Несмотря на электронную похоронку из военного комиссариата, полученную в ноябре, на письменные отчеты о его гибели от командира части и роты, где служил Вова, на то, что мне передали все его личные вещи.

Несмотря на всё это, я верила в то, что муж жив. Просто потому, что я не видела его тела. Не опознала лично, не оплакала, не кинула горсть земли на гроб.

А без этого поверить в его смерть я не могла.

Я посылала многочисленные запросы, обивала пороги моргов, брала образцы слюны у сына для теста ДНК, чтобы было с чем сравнить возможные останки.

Но ничего. Нулевой результат из всех этих попыток. Тело Володи не было найдено.

Я допытывалась, пыталась понять, куда могло деться тело, раз все были так уверены, что Вовка действительно погиб.

В ответ мне говорили ужасные вещи, что там вся группа, ушедшая на разведку, подорвалась на mine. Что тело мужа могло просто превратиться в прах или мелкие фрагменты, которые для отправки грузом двести просто непригодны.

Но для меня эти слова не были приговором. Не зря же говорят, что надежда умирает последней.

Вот и я, не видя тела мужа, надеялась, что он жив. Может, лежит где-то в госпитале с амнезией или в плену.

Раненый, покалеченный, но живой.

Поэтому продолжала жить и искать. И надеяться, что однажды Вовка вернется домой, поцелует меня и подкинёт под потолок сына.

И мы забудем всё пережитое как страшный сон. Этими надеждами я жила два с лишним года.

Но три месяца назад военный конфликт, наконец, закончился. Все пленные солдаты и офицеры вернулись домой. К своим родным и близким.

А Вова так и не вернулся. Так и остался где-то между мирами. Официально признанный погибшим, но не похороненный, не отпетый и не упокоенный.

Хуже участи и быть не может.

И я не могла это оставить так, и начала снова обивать пороги.

Военный комиссариат, МВД, Следственный Комитет, военная прокуратура. Обращалась всюду, куда только могла.

Но ничего так и не узнала.

Почти совсем отчаявшись, решила попросить помощи у жены нашего нового мэра, так уж получилось, что судьба нас свела несколько лет назад.

Я помогла ее дочери восстановиться после травмы и вернуться в большой спорт, а она сказала, что в случае чего поможет, чем сможет.

И вот настала пора просить о помощи. Я позвонила Инессе Станиславовне и всё рассказала. Она расчувствовалась, даже расплакалась в конце моего рассказа и охотно взялась мне помочь.

После подключения к делу лиц, облеченных властью, машина для поиска раскрутила свои маховики.

Спустя два месяца после того разговора меня пригласили на прием к мэру.

И в его кабинете приехавший из Москвы генерал Мельников, наконец, открыл мне жуткую правду.

Мой муж, Владимир Ларионцев, действительно погиб два с половиной года назад, тело его было сильно изуродовано взрывом и опознать визуально было невозможно.

Только по ДНК.

И вот тут было самое жуткое. Результаты ДНК-теста просто перепутали, потому что кто-то неправильно оформил образцы в базе данных, и тело моего мужа в цинковом гробу отдали на захоронение другой семье.

— Как давно это произошло? Когда похоронили моего мужа? — спрашиваю почти мертвым голосом. А генерал отводит взгляд в сторону и нехотя признается.

— Груз двести был отправлен в Липецк два года назад, в начале марта.

Я прикрываю глаза и сжимаю ладони в кулаки. Сразу становится больно дышать и начинает болезненно дергаться сердце.

Два года, Господи... Вовка уже два года похоронен, в чужом городе, в чужой могиле, под чужой фамилией.

Все это время он лежал в сырой земле, а я надеялась на чудо и молилась о его возвращении.

Как же это жестоко. И по отношению ко мне, и к той семье, которая похоронила чужого человека как родную кровиночку.

– Настенька, тебе плохо? Вот держи. Там успокаивающие капли, должны помочь.

– Спасибо, – дрожащими руками принимаю бокал из рук Инессы и выпиваю воду почти залпом.

Но это помогает мало. Внутри меня все клокочет, а сердце рвется от боли, обиды, проклятой несправедливости и холодного казенного равнодушия.

Я не вижу в глазах этого высокопоставленного офицера сочувствия и сожаления о сложившейся ситуации. Лишь холодную отстраненность и раздражение.

Да, товарищу генералу явно не нравится сидеть здесь и объясняться перед какой-то вдовой.

Он бы с радостью похоронил эту «ошибку», да не вышло из-за вмешательства мэра Решетникова.

Я отчетливо понимаю, что только чудом узнала правду. Поэтому не могу сдержаться от выпада.

Поднимаю голову, смотрю прямо в глаза генералу Мельникову и выпаливаю, горя праведным негодованием.

– Мой муж не случайная ошибка. Как и тот боец, под чьим именем его закопали. Они оба, как и тысячи других, проливали кровь на благо страны, и вот такое отношение по итогу? Вам, получается, всё равно, где хоронить героев?

– Анастасия Максимовна, – пророкотал Мельников. – Я вашему горю очень сочувствую, но выбирайте выражения, пожалуйста. Мы все уважаем наших бойцов и чтим их память. Но война есть война, как говорится. На ней всякое бывает, в том числе и безумная

путаница, и человеческие ошибки. Те месяцы были самыми тяжелыми, морги были переполнены, транспортировали тела, куда была возможность. В ЦОП[ТА1]¹ попадают разными путями, и то далеко не все. Не только бойцам было тяжело, но и врачам, санитарам, медсестрам. И тем, кто выполнял самые скорбные обязанности – по оформлению, опознанию и отправке тел. Да, случился человеческий фактор. По усталости и невнимательности перепутаны имена вашего мужа и другого бойца. За это я готов от лица министерства принести самые искренние извинения. Но всё же это была случайность, а не злой умысел. Вот, сами посмотрите. Мудрено ли было ошибиться, вбивая данные? Почти идентичные данные, разница всего в две буквы в инициалах.

Генерал вытаскивает из папки лист А4 и протягивает мне. А я тупо пялюсь на две колонки цифр и два действительно очень похожих имени.

Ларионов. В. И. – Ларионов Виктор Игоревич Ларионцев В. И. – Ларионцев Владимир Иванович

Два человека, два бойца, два имени. Две судьбы, которые так трагически переплелись, что теперь непонятно как распутывать.

¹ [ТА1]ЦОП- Центр приема, обработки и отправки погибших.

Глава 2

*Две тысячи лет война
Война без особых причин
Война – дело молодых
Лекарство против морщин*

*Красная-красная кровь
Через час уже просто земля
Через два – на ней цветы и трава
Через три – она снова жива
И согрета лучами Звезды по имени Солнце*

*И мы знаем, что так было всегда
Что судьбою больше любим
Кто живёт по законам другим
И кому умирать молодым*

Виктор Цой

Настя

– Да вы с ума сошли! – вот что сказал генерал на мое заявление о том, что я хочу встретиться с родными того бойца, под чьим именем похоронен муж.

– Зачем вам это надо? Два года прошло. Семья памятник уже поставила, начала оправляться от горя. А вы хотите приехать и все взбаламутить. Лишить их покоя? Или, может, вы собираетесь выкопать гроб?

– Для начала я хочу с ними просто поговорить. Семья имеет право знать, что похоронила не того человека. Ведь если они похоронили моего мужа, значит, где-то лежит тело их сына, которое нуждается в захоронении. Разве нормально это так оставлять?

– А нормально лезть в чужую семью и травить им душу?

– А как же я, товарищ генерал? У меня тоже есть душа, которая болит. Я два года из-за ошибки тешила себя надеждой, что муж жив. Лелеяла мечты, которым не суждено было исполниться. У меня есть сын, которому надо объяснить, где его отец. А в итоге у нас даже нет места, куда сходить и отнести цветы. И да, куда делось второе тело? Ведь если перепутали имена, то мне должны были выдать тело Ларионова, так? Или...

– Да нет второго тела! И уже не будет. – рывкнул генерал. – В моргах давно пусто. Все останки отправлены семьям. А у кого нет семей, те были захоронены в братских могилах. Тот парень, похоже, был в эпицентре взрыва, так что от него вряд ли что-то осталось. Да, Анастасия, война – жестокая сука. И с развитием военной техники она становится всё беспощаднее и забирает всё больше жизней. Так что свои хотелки нужно задвинуть на задний план. Не всегда мы можем получить то, что хотим. Возвращайтесь домой, воспитывайте сына и забудьте об этой истории. А если так хочется отнести куда-то цветы, отнесите их к памятнику неизвестному солдату. Кстати, вы, кажется, так и не получили выплаты за гибель мужа? Уже срок истек давно, но я могу похлопотать, и вам всё положенное выплатят. В порядке исключения и ввиду нестандартной ситуации.

– Да не нужны мне ваши деньги! – вскакиваю с места и с гневом смотрю в лицо генерала.

Мое сердце бьется на разрыв, щеки полыхают от обиды и унижения, а этому мужику всё равно.

Он абсолютно хладнокровен. Идеальная машина, в котором то ли война, то ли высокий чин вытравили всё человеческое.

Почему-то вдруг вспомнились строки из романа Бориса Васильева, которым зачитывалась в юности с подачи бабушки и мамы.

«Пахнет всегда только чужая смерть, и запах ее никогда не долетает до высоких кабинетов, где решаются людские судьбы»...

Это точная иллюстрация поведения Мельникова. Он в своем министерстве точно забыл, что такое запах смерти, горе жен и матерей и слезы детей.